К. АЛТАЙСКИЙ

ВОРОШИЛОВ

ПОЭМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1931

К. АЛТАЙСКИЙ

ВОРОШИЛОВ

ПОЭМА

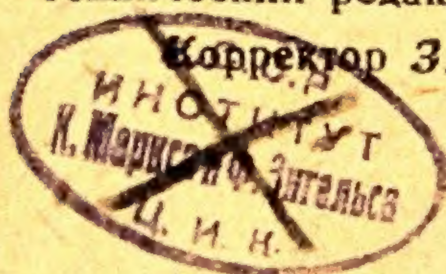

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1951

★

Технический редактор *В. Наумов.*
Корректор *З. Окунь.*

В—53 Гиз № 32. Главлит № В-1182. Тираж 6 000 экз. $5^1/_4$ п. л.

5-я тип. ОГИЗ'а РСФСР „Пролетарское Слово“. Москва, Каланч. туп., 3/5.

К. Е. Ворошилов.
1931 г.

ЗАПЕВКА.

> Не прославим, покажем того,
> Кто заводской чеканкой высечен.
> Я хочу показать одного,
> Чтобы в нем говорили тысячи.
>
> *А. Безыменский.*

Когда гремит пред мавзолеем
На Красной площади парад,
И флаги буйные, алея,
Весенней свежестью шумят,
Когда звучат, как клятвы, речи
И чтится память Ильича,
Зачем ты, сердце человечье,
Перестаешь на миг стучать?
Трем поколениям знакома
Тревога молодой страны,
Уже время в волосы наркомов
Вплетает нити седины.
Идет в колоннах стройных смена,
И смотрят сотни, как один,
На седину вождей, на пену
Волнами вздыбленных годин.
Художники, певцы, поэты!
Заказ эпохи налицо:
Запечатлеть вождей портреты —
Пером,
Кистями
И резцом.
В тугие строки грусть вплетая,

В лицо маститым мастерам
Давно ли бросил Полетаев
Упрек с каленого пера:
„Портретов Ленина не видно,
Похожих не было и нет —
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет“.
И на упрек с трибун московских
Ответ поэмой прозвучал—
Поэт Владимир Маяковский
Зарисовал нам Ильича.
Цехам и хатам деревенским,
Найдя горячие слова,
Поэт-партиец Безыменский
Дзержинского зарисовал.
Созвучий вызвонку рассея
В ветра краснознаменных лет,
Пытался Николай Асеев
Создать Буденновский портрет.
Мы от эпохи поотстали,
Нас мелочи берут в полон.
Еще не зарисован Сталин,
Калинин песней обойден.
Слова, как будто груз контузий,
Обрек на немочь немоты.
Где в песне Михаила Фрунзе
Неповторимые черты?
Большая тема нас пленила,
Звонка, как бой,
Остра, как штык:
Климент Ефремыч Ворошилов—
Боец,
Нарком
и большевик.
Борясь с нытьем оппортунистов,
Должны мы в массы понести

Не бабелевскую цветистость—
Фурмановский суровый стиль.
Изображая битвы классов,
Рисуя жизнь большевика,
Будь честной и понятной массам,
Моя партийная строка.

ПАСТУШОНОК КЛИМ.

„К. Е. Ворошилов родился 23 января 1881 г. в с. Верхнем, Бахмутского уезда Екатеринославской губ. Отец его был пастухом помещика Алчевского. Десятилетний Ворошилов пастушил вместе с отцом".

(Из воспоминаний рабочего Е. С. Плугатеренко).

Шуршит пшеница шумным шелком,
Прохлада спряталась в сады,
Где ключ бормочет без умолку,
И наливаются плоды.
Бахчи маячат в дымке синей.
В меду июльской тишины.
Там зреют баклажаны, дыни,
Подсолнухи и кавуны.
Хлеб на полях
И хлеб в амбаре,
Плоды в садах, бахчи и скот —
Над всем хозяевами — баре,
Купившие батрацкий пот.
Над степью ястреб хищным взглядом
Поводит, голодом томим.
В степи бредут за барским стадом
Два пастуха — Ефрем да Клим.
Отцова речь острей стамески...
Сынишка Клим умом толков:
— Плоды в садах для бар Алчевских,
А кожура... для батраков?

Вся беднота в нужде суровой
На бар трудится под кнутом,
Как эти барские коровы,
Которых мы с тобой пасем.
И Клим спросил, бежать готовый
За телкой в дальние луга:
— Когда же барские коровы
Возьмут хозяев на рога?
— Эй, Клим. Мечтанья о расправе
Не дело нашего ума.
У бар в Екатеринославе
Нагайки,
Пули
И тюрьма.
Их разговор умолк. Теленок
Исчез в кустарнике густом.
Десятилетний пастушонок
Задорно щелкает кнутом.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ.

„Ворошилов вырос в беднейшей семье, в темной хате с глиняным полом. На обед в семье Ворошиловых был постный борщ да ржаные галушки без масла.“

(*Из беседы с рабочим Д. К. Параныч*).

Набивши животы картошкой
И мяч пуская в высоту,
Параныч,
Клим,
Да Придорожко
Играют весело в лапту.
Горит земля. Румянец пышет,
Сердечко бьется — та-та-та.
Взлетает мяч все выше, выше...
Вдруг крик отца. Прощай, лапта!

И Клим бежит. Перечить, видно,
Не дело старому отцу,
Но трудно, горько и обидно
Десятилетнему юнцу
    Сгибать мальчишескую спину,
    Сбирая колчедан. Потом —
    Ходить с сумой; пасти скотину,
    Быть у слепца поводырем...
Отец батрачил. Клим пастушил.
Стирать ходила мать... И все ж
Они не маслили галушек,
Не резал сала ржавый нож.
    Картошку ели утром росным,
    И воду брали из реки,
    Был на обед борщишко постный,
    Галушки из ржаной муки.
Вот хижина, где Ворошилов
Жил мальчиком, она все там —
Стоит, побелку окрошила,
Подставив бок степным ветрам.
    Беднее нет ее на свете.
    В ней сыро, тесно и темно.
    Пол глиняный. И свищет ветер
    В подслеповатое окно.
Рубаха Клима вся в заплатах.
Заплата на штанах цветет.

. . . .

Верстах в пяти от ветхой хаты
Алчевский высился завод.
    Полнеба в зареве дрожало.
    Завод созвездьями сверкал.
    И сердце Клима услыхало
    Неодолимый
    Зов
    Гудка.

РАЗГОВОР С ГОГОЛЕМ.

„Тов. Ворошилов учился в Васильевской земской школе две зимы. На этом кончилось его образование. Уже с малых лет т. Ворошилов много читал Помню у него книги—Гоголя, Шевченко, Некрасова. Книги ему давал учитель Рыжков“

(*Из воспоминаний рабочего Щербакова*).

Поля цвели полынной грустью,
И ветер с ароматом смол
Носил над русским захолустьем
Казенный запах земских школ.
Там попик подданных готовил,
К наукам вытравляя вкус,
И киноварью вместо крови
Распятый истекал Иисус.
Пастух сдружился с букварями,
К занятью новому привык.
Архиепископы с царями
Смотрели на него из книг.
Был у смышленного парнишки
Рыжков, учитель, первый друг.
Другие попадали книжки
Мальчишке из рыжковских рук.
Пастух читал—
Книг было много.
А в книгах — жизненный отстой.
Шевченко, Лермонтов и Гоголь,
Некрасов, Пушкин, Лев Толстой,
Над Гоголем он думал много, —
В словесных роясь кружевах.
Хотя давненько умер Гоголь,
Русь гоголевских книг жива.
...Копытят кони. Пыль клубится.
Валдайчики тревожат глушь.
То Чичиков на бричке мчится
На смотр российских мертвых душ.

Играет Ноздрёв в карты мило
С героем взяток и растрат.
Мечтает приторный Манилов,
Ест Собакевич осетра.
И Плюшкин собирает тряпки,
И хвастается Хлестаков,
И свинорылый Тяпкин-Ляпкин
Обманывает мужиков.
Вы Русь назвали птицей-тройкой,
Но, Гоголь, с тройкою беда:
Ей бег загородили бойкий
Заводы,
Уголь
И руда.
Храпят помещиковы кони,
Глаза их кровью налились.
В степях
В стальной заводской броне
Встал во весь рост капитализм.

ВЕСЕЛЫЙ МАШИНИСТ.

„Ворошилов поступил на завод Дюмо мальчиком, потом стал помощником слесаря, потом машинистом крана. То, чего другие добиваются в 3—6 лет, он добился в полгода".

(Из воспоминаний рабочего М. Д. Молчанова)

Гудит, гудит завод высокий.
Над домной — огненный бурун.
Стекает в жадные апоки
Ручьем расплавленный чугун.
Гудит завод, трясутся стены.
Привычно глух чугунный гром.
Здесь разъяренные мартены
Горят рубиновым огнем.

Гудит завод и пламенеет.
В прокатном цехе — пот, как град.
Здесь красноогненные змеи
Сползают, вьются и шипят.

Но веселей литейной крайней
Нет цеха. Там под гул и свист
Поет, работая на кране,
Клим Ворошилов, машинист.

Смышленый, молодой и прыткий
Вошел в завод он удальцом.
Знакомо всякому улыбкой
Его чумазое лицо.

В литейной старой спозаранок
Работой утро началось —
И с ворошиловского крана
Несутся песни про покос.

„Пали росы,
Блещут косы.
На покосах у реки
Монастырские покосы
Захватили мужики".

В литейной не было примеров,
Чтоб чрез полгода дали кран.
„Клим хочет вылезть в инженеры",
Ворчал литейщик-ветеран.

Клим — коренастый, невысокий
Смотрел — внимателен и юн —
Как в аккуратные апоки
Течет расплавленный чугун.

ТРИ ДУБА.

„Работая на заводе Дюмо, Ворошилов начал вести политическую работу. Первые подпольные массовки были в Орловской балке, близ Алчевска„.

(Из воспоминаний подпольщика-большевика И. А. Придорожко).

В Орловской балке—лес и камень,
Тропинки—узки и круты;
Над разнотравыми коврами
Пестрели дикие цветы.

Обрывы громоздились грубо,
Был щебень темнобур и сед.
Три романтические дуба
Стояли—каждый по сто лет.

Весною, праздничными днями,
Здесь для гулянок был привал.
Под этими тремя дубами
Сам пристав Греков пировал.

Здесь пьяный пристав, встав неловко,
Палил в бубнового туза.
Впервые здесь была массовка,
Шумна, как майская гроза.

Здесь речь империю крушила,
Звуча набатно, как металл.
Здесь с первой речью Ворошилов,
Волнуясь, пылко выступал.

Овеян первою массовкой,
День был тревожен и пригож.
Казался каждый лист—листовкой,
На бомбу камень был похож.

Слова и мысли были вески,
Томили, сердце распаля.
В умах чудесный Чернышевский
Путь к Ленину подготовлял.

Рабочий в пиджачишке сером,
Большой добряк, но с виду строг—
Украсил там живым примером
Теоретический урок.
Шли мимо пристава ребята.
Все сняли шапки, только Клим
Прошел в фуражке франтовато,
Спокоен и невозмутим.
И кровожаден и неистов,
Специалист на матюки,
Взревев, рванулся к Климу
пристав,
Пуская в дело кулаки.
Клим Ворошилов со сноровкой
Дал сдачи в грудь, в плечо и в бок.
На славу вышла потасовка,
Но тишину сверлил свисток.
На трель свистка примчалась
свора
Городовых и, разъярясь,
На радость приставу проворно
Избила Клима, бросив в грязь.
А где товарищи? Бежали.
Вот ребра почему трещат.
Простого мы не осознали:
Сильны мы только сообща.
Обрывы громоздились грубо,
И вечер был по-волчьи сед.
Как много слышали три дуба
Простых и дружеских бесед.
Не все теперь на стройке с нами:
Иной—погиб, иной – остыл.
В Орловской балке—лес да камень,
И камни на тропе—остры.

ПЕРВАЯ ЗАБАСТОВКА.

„Ворошилов был организатором первой цеховой забастовки, возникшей на заводе Дюмо".

(Из стенограммы заседания Луганских старых большевиков 9—12/X 1928 г.).

Страна разбужена гудками.
Завод взорвал кромешный мрак.
Гремел российскими полями
Капитализма хищный шаг.

Железо пело в море хлеба.
Был новый голос яр и груб,
И в незабудковое небо
Пошли на штурм ватаги труб.

В утробе шахт, в цехах,—
Внутри их,
Из хлебопашцев да солдат
В тяжелой домне индустрии
Рождался пролетариат,

Клим Ворошилов на заводе.
Гудок с зарей его будил.
Он в забастовочной погоде
Себя познал и утвердил.

Как мыши, слухи про эсдеков
Шуршат. Их не остановить.
Тревожно смотрит пристав Греков
На ворошиловскую прыть.

Прикидывает, размышляет
Матерый полицейский пес,
А Ворошилов распевает
Лихие песни про покос:

„Пали росы
На покосы.
Злые осы у реки,

Наточите
Остро косы,
Восставайте, мужики".

Упорство в Климе угадали
Чумазые цеховщики.
Его вождем своим избрали,
Забастовав, крановщики.

Чуть брезжит утро. Небо хмуро.
Еще роса. Еще темно.
Чугунною клавиатурой
Гудит-гудит завод Дюмо.

Клим спит. Покоя тело просит,
Еще не выпит сон до дна,
Но утро хмурое приносит
Приказ гудка, сигнал труда.

А на заводе льются песни,
Шумит-гамит чумазый цех.
В цеху народ такой чудесный,
Что с губ слетает ясный смех.

...Скорее в цех! Там—забастовка!
Там в бой пошла рабочих рать.
Но там—кокарды и винтовки
И шип гадючий:
Рас-счи-тать!

Ну что ж! Покуда — сила — ваша!
Клим шел из цеха прям и горд.
Он победил.
Ему не страшен
Строй палачей и держиморд.

Предвидя пытку голодовки,
Нахмурив пасмурную бровь,
Он радость первой забастовки
Принял, как первую любовь.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ТЕНЬ.

„Целых три года пришлось скитаться без работы. Во время мытарств в этот период за мной буквально по пятам бродили специально приставленные шпики“.

(*Из воспоминаний К. Е. Ворошилова*).

Пестра, как сон, Донбасса карта,
Но волчий паспорт зверски лют:
Лозовка,
Кадиевка,
Гартман,—
Нигде работы не дают.

Тюрьма на воле. В осень, зиму,
В ночную темь и ясный день,
Везде,
Всегда,
Неотвратимо
За Климом следовала тень.

Однажды ночью в темном месте,
Где шелестел крапивой ров,
Два сыщика напали вместе—
Втоптали Клима в грязь и кровь.

Спасибо парни подоспели;
Отбили; говорят: „вставай“.
Не встал. Очнулся лишь в постели,
Болели грудь и голова.

Его ловили и травили,
Зато его в большевики
Приняли и усыновили
Заводы,
Копи,
Рудники,

К. Е. Ворошилов.

БОЛЬШЕВИСТСКОЕ КРЕЩЕНЬЕ.

„В 1903 г. Ворошилов поступил на завод Гартмана в Луганске, но через 2—3 месяца полиция выслала его из города. К этому времени относится вступление Ворошилова в партию".

(Н. Нелидов. „Малая Советская энциклопедия", том II).

Был глух и нем, был подл и жуток
Под стон цепей и вой зверей
Край кабаков и проституток,
Острогов и монастырей.
Пороли. Вешали. Стреляли.
Свистели плети и картечь.
Женева с Лондоном слыхали
Простую
Ленинскую
Речь.
Призывно, как сигнальный выстрел,
Как маяки в ночном пути,
Печатались в марксистской „Искре"
Живого Ленина статьи.
В массивах рас и поколений,
Спрессованных в тисках веков,
Выискивал Ульянов-Ленин
Соратников-большевиков.
Клим вел кружок Речей раздольем
Доволен был, и юн и сед.
Его луганское подполье
Ввело в партийный комитет.
Он редактировал листовки,
Печатал их, распространял.
Он созывал и вел массовки
И типографию создал.
Клим напевал. Его напевы
Знакомы людям шахт и нив.
Товарищ Ленин из Женевы,
В Луганске слышен твой призыв!

ВЕСЕННЕЙ НОЧЬЮ.

„Удельный вес Ворошилова в подполье был значительный. Он был членом комитета. К нам приходили изредка „Искра“ и „Социал-демократ“. В 1904 г. мы начали выпускать первые листовки. Было вынесено решение об организации подпольной типографии. Работали каждую ночь“.

(Из воспоминаний И. Н. Нагих).

На талые степные шири
Струится ласковый апрель:
В Луганске, в Гущинской квартире
Гектограф стынет, как кисель.

Как только вечер солнца пылы
Потушит тихою рукой,
Придет в домишко Ворошилов,
Спугнет насиженный покой.

Поднявши брови, как подковки,
Он скажет Гущиной: „Скорей
Гектограф. Спешные листовки
О положеньи слесарей“.

В знакомой низенькой столовой
Начнется спешка. Запах мил
От кляксы, как сирень лиловых,
Гектографических чернил.

Между работой брызнет шутка,
И смеха Клим сдержать не в мочь.
В окно глядит темно и жутко
Шинелью полицейской ночь.

Весенней ночью чуток шорох.
Капель за окнами поет.
Лежит листовок гневных ворох,
И с Клима каплет теплый пот.

Труд кончен. Клим, как птица, взвился,
Хоть самовар был на столе.
Забрал листовки, распростился.
Нырнул с крыльца. Пропал во мгле.

Весенней ночью в ближней балке
Бормочет полая вода.
Кипят в словесной перепалке
Вопросы платы и труда.
Туда из гущинского дома —
По лужам жирным, словно щи,
Спешит подпольщикам знакомый
Неутомимый крановщик.
Подполье в сборе. Сев на камни,
О забастовке говорят
Литейщики с крановщиками,
Сверловщики и слесаря.
Решимость твердая запала
В суровые, как сталь, глаза,
И много гулкого металла
В их приглушенных голосах.
Фигуры их пружинят силой,
В словах их—заводский закал.
Здесь выковался Ворошилов
В железного большевика.
Он говорит, что на заводе, как
На фронте. Скоро будет бой,
И слышит:
Молодец, Володька [1],
И деловой, и боевой.

В ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЫЙ ГОД.

„В 1905 г. Ворошилов принимает активное участие в стачечном движении. Во время одной из забастовок Ворошилова жестоко избивают и сажают в тюрьму“. *Н. Нелидов.*

Начался бурный год мятелей,
Пожаров, виселиц, свинца.
От крови теплой покраснели
Снега у Зимнего дворца.

---

[1] „Володя“, „Володька“ — подпольная кличка К. Е. Ворошилова.

Истлела, расползлась, упала
Повязка с воспаленных глаз.
Восстал Ростов.
Москва восстала.
И вспыхнул Горловкой Донбасс.

В России нехватало тюрем.
Была пора, как ночь, глуха,
О портартурской авантюре
Шептались избы и цеха.

Гудок орал охрипшей глоткой,
Клим больше не вставал с гудком.
Сидел, томясь, он за решеткой,
Тюремным запертый замком.

Попал он так. Был шумный митинг.
На забастовку шел сговор,
Вдруг крик гнусавый: „Разойдитесь“,
Команда „пли“, стрельба в упор.

Узнали, видимо, в охранке.
Должно быть, проморгал патруль,
Рабочие в реке Луганке
Спасались вплавь от шалых пуль.

Клим сгоряча к реке стремился,
Но стало стыдно. Он затих,
Сдержав себя, остановился
Под пулями городовых.

Пропели пули, маху дали...
Поймали Клима у реки.
До полусмерти избивали
Увесистые кулаки.

Очнулся только в одиночке.
Опомнился. Затосковал.
Со стен кричали чьи-то строчки.
Паук тенета доплетал.

Всегда готовые к разбою,
Как полицейские глупы!
Темнокоричневой ордою
Ползли тюремные клопы.

СЛЕСАРЯ РАЗГОВАРИВАЮТ.

„Для подпольной работы мы часто пользовались пивными. С виду ребята пивом балуются, а за стеной кружковое занятие идет или заседание. В феврале 1905 г. забастовка имела на Гартмане успех. Мы добились создания депутатского собрания, которое было фактически советом. Председательствовал там Ворошилов“.

(*Из воспоминаний И. Д. Литвинова*).

Расскажем, битвы вспоминая,
Как в николаевские дни
Нам зажигала и пивная
Конспиративные огни.
Жандармы зорки. И не диво,
Что у пивной почетна роль.
Сквозь пену пильзенского пива
Шептался боевой пароль.
Пивная. Вечер. В кружках пиво.
Февральский ветер на дворе.
Спокойно и неторопливо
Течет беседа слесарей.
— Вчера я повстречался с Левкой
В поселке нашем вечерком.
На Гартмане, слышь, забастовка
И Ворошилов вожаком.
— Клим Ворошилов?
— Да
— Как другу
Скажу: выносят пусть святых.
Поди, поджала с перепугу
Администрация хвосты.

Клим Ворошилов, он из тех, кто
Бороться за права горазд.
Пожалуй, господин директор
На этот раз прибавку даст.

*

Пивная. Вечер. В кружках пиво.
Июньский сумрак на дворе.
Играет, пенится бурливо,
Кипит беседа слесарей.

На Гартмане, поди, ликуют.
Еще б не радоваться им.
Победу одержать какую
Помог им Ворошилов Клим.

Вишь, пенится пивцо в стакане.
Я пью за климовский нажим,
За депутатское собранье,
В котором председатель Клим.

*

Пивная. Вечер. В кружках пиво.
Сентябрьский дождик на дворе.
Отрывиста и тороплива
Беседа хмурых слесарей.

— Что с Ворошиловым?
— Схватили.
После разгрома, в кутерьме,
Связали, связанного били,
Теперь гноят его в тюрьме.

Ну, подожди, дождемся бурь мы,
Расправим плечи, подожди,
По кирпичам растащим тюрьмы,
Где пленные сидят вожди.

ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ.

„В 1906 г. Ворошилов ездил на Стокгольмский съезд, где впервые встретился с Лениным. После съезда я спросил Ворошилова:—Ты за кого—за беков или за меков?—За беков, за Ленина,—живо ответил Ворошилов".

(Из воспоминаний большевика-подпольщика Павла Мальцева).

В Луганске жарко митингуют,
А Ворошилов налегке
Несется в Швецию седую,
В страну озер, лесов и шхер.

В Стокгольме, что богат снегами,
Под серым парусом небес,
Большевиков с меньшевиками
Шумел объединенный съезд.

Не там ли угадалась в жизни
Глухая пропасть для людей
Меж серой слизью меньшевизма
И сталью ленинских идей?

Себя там Ворошилов вызнал
И четко выверил свой шаг,
С шипеньем пена меньшевизма
Неслась на Ленинский маяк.

Маяк стоял и тверд и светел,
Буравя черный мрак времен.
Впервые Ворошилов встретил
Там Ленина. Казался он

Средь меньшевистского охвостья
В наплыве речевой волны —
Мудрейшим большелобым гостем
С завода будущей страны.

Пусть меньшевик плетет серьезно
Сеть схоластических тенет,
Для Клима даже шведский воздух
Восстаньем будущим живет.

В Луганск!
Вооружать рабочих!
Бороться и достичь побед!
Над Швецией белели ночи,
Ландшафт был сумрачен и сед.

В Луганск!
В Луганск неслись вагоны,
Стремясь речитатив беречь,
А в памяти неугомонно
Звучала ленинская речь.

ДОНБАСС ВООРУЖАЕТСЯ.

„Партийной организацией был командирован т. Ворошилов в Финляндию, где, благодаря имеющимся у него связям, удалось закупить и благополучно доставить в Луганск 60 браунингов, 20 наганов и 400 пачек патронов, привезенных в изящных дамских коробках“.

(Гамбаров „Летопись революции“ № 4, 1923 г.).

Решетки тюрем были ржавы,
Серели камни, как зола,
И с вывесок орел двухглавый
Червонным золотом пылал.

Ряд виселиц чернел свирепо,
Кандальный звон Сибирь будил.
Сатрап самодержавья—Трепов—
В стране порядок наводил.

Под колокольное гуденье
Асфальт был теплой кровью мыт,
Невольно вызывал волненье
Злой разговор про динамит.

В затишьи черном после бури
Тяжел был сумрак, как свинец.
Был памятен Степан Халтурин,
Пытавщийся взорвать дворец.

И Ворошилов жил бессонно,
И в ночь бессонную имел
Наганы,
Кольты,
Смит-Вессоны,
И браунинги на уме.

Царя свергают не дрекольем...
Тревожно Ворошилов жил,
Вводя в донбасское подполье
Систему боевых дружин.

Но не романтикой террора
У Клима отнят был покой.
Он дула направлял упорно
Не на царя, —
На царский строй.

Эй, песня, ты над Доном вейся,
Играй, труба, сигнал к борьбе.
Он будущих красноармейцев
Заранее учил стрельбе.

Вступая в бой со старым миром,
Под знаменем большевиков,
Ковал он красных командиров
Железных будущих полков.

ЧЕРНЫЙ ГОРОД.

„В 1907 г. Луганская организация направляет т. Ворошилова на V съезд РСДРП. По возвращении его арестовывают и высылают в Архангельскую губернию, откуда он через месяц бежит и направляется ЦК партии на подпольную работу в Баку“.

Н. Нелидов.

Стучат колеса. Стонут рельсы.
Часы текут под тик секунд.
Серебряным дремучим лесом
Несется поезд в стужу тундр.

Клим также мчал в туманный Лондон
На пятый большевистский съезд...
Теперь он схвачен,
В ссылку отдан
В какой-то северный уезд.

Что впереди? Снега и ели.
Олений ягель и треска,
Медведи, клюква и мятели,
Жандармы... Может быть, тоска?

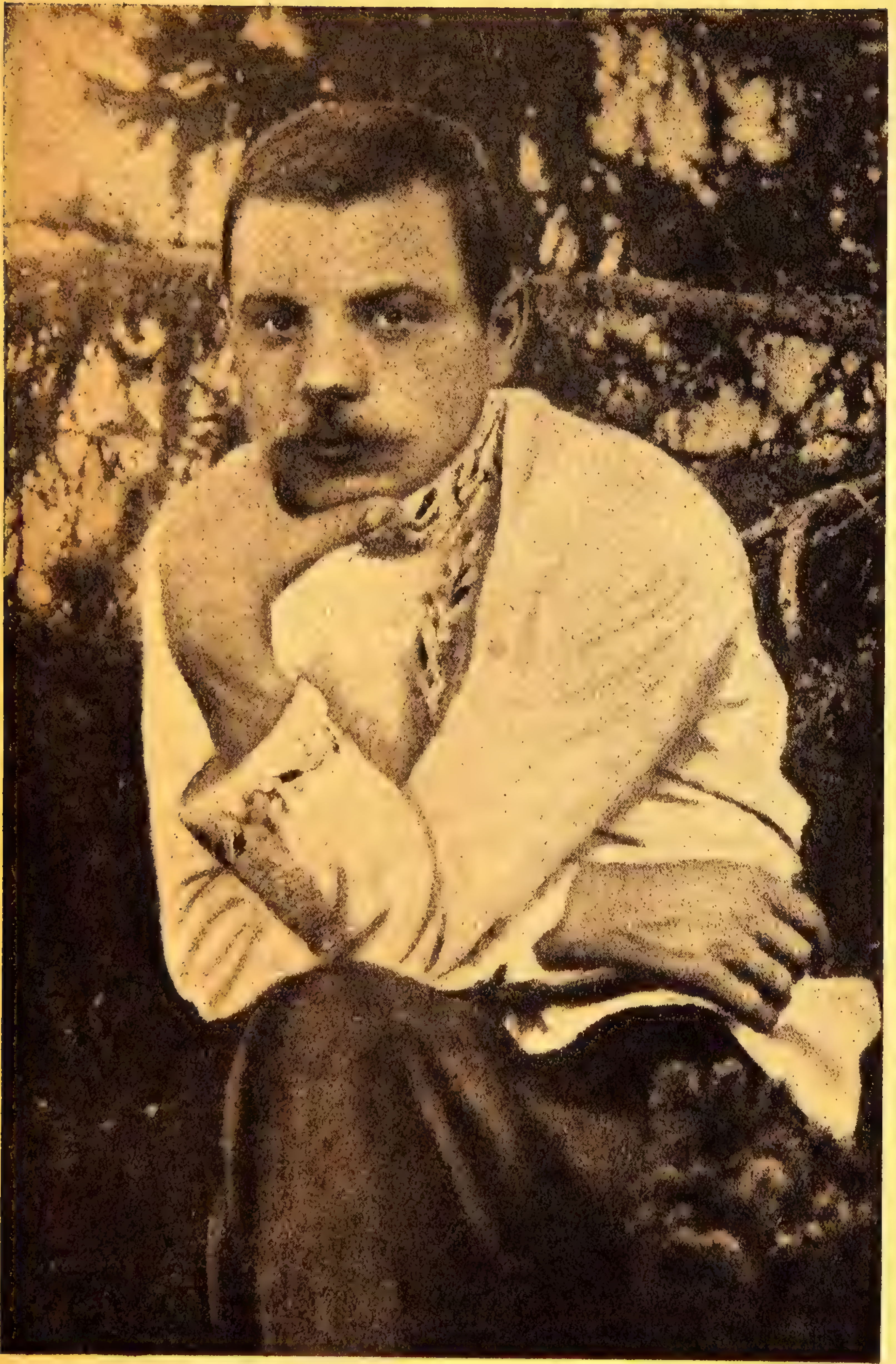
Тоска луганца не пугает.
Тоска в отставке. Клим бежит
Из дальней ссылки, покидая
Архангельск серый, словно скит.

Поют колеса, вторят рельсы.
Частит чечеткой бег секунд.
Под дымным облачным навесом
Несется поезд на Баку.

Там вышки нефтяные встали,
Как восстающих гневный стан,
Там несгибающийся Сталин
И непреклонный Шаумян.

В Баку кипела подготовка
К боям. И Ворошилов рад
С подпольной сталинской путевкой
Направиться в Биби-Эйбат.

Клим стал кипучим и веселым,
Как нефть могучего Баку.
Полезна сталинская школа
Луганскому большевику.

Тов. Ворошилов в ссылке.

В ССЫЛКЕ.

„В Баку Ворошилов пробыл почти весь 1908 г., а затем уехал в Петербург, где был снова арестован и снова отправлен в Архангельскую губернию. В ссылке Ворошилов был снова арестован и выслан в Мезенский уезд“.

Н. Нелидов.

Незабываемо подполье:
Баку, Луганск и Петербург.
Как конница, летел в раздолье
Свирепый крутень белых пург.
Жандармы не дремали. Схвачен
Был Ворошилов, чтоб опять
Услышать вьюги зимней плачи,
На севере зазимовать.
Доселе помнят Холмогоры,
Где снег белее молока,
Решительные разговоры
Луганского большевика.
Давнишний мастер забастовки
За бунт,
За гнев,
За гром речей,
В тюрьме проводит голодовку,
Сидит без хлеба восемь дней.
В краю медведей, горностаев
И пышных заячьих порош
Богатыреет, вырастает
Суровый большевистский вождь.
Он чует силы. Он томится
Бездеятельностью. Ему
Ночами северными снится
Волна рабочих гневных смут.
Пурга песцовая пушила
Седые древние леса.
Как-будто слышал Ворошилов
Заводов дальних голоса.

Полярным дымом плыли зимы,
Закат густел, пылал и гас.
Во снах вставал отцом любимым
Плечистый исполин — Донбасс.

ВОЙНА.

„С момента объявления войны не только я, но и та группа социал-демократов-большевиков, которую удалось собрать, сколотить воедино, как один человек была враждебно настроена против начавшейся бойни“.

(*Из воспоминаний К. Е. Ворошилова*).

Земля живет в кровавом бреде,
Мозги войной потрясены.
Над миром жаркий чадный ветер
Пронес безумие войны.
В крови и орудийном гаме,
В тупой и грубой наготе
Война произвела экзамен
Социалистам всех мастей.
Социалисты-патриоты
О нациях подняли гвалт.
Дал трещину,
Попал в банкроты —
Второй Интернационал.
Водою мутной бьет и пенится
Патриотический прибой,
И только Ленин
С горсткой ленинцев
Подняли голос против войн.
И только Ленин лозунг выставил,
Где правда Марксова видна:
Долой войну капиталистов!
Живи, гражданская война!
И только Ленин в пыл воительства

Из Циммервальда звал один —
„Солдаты, на свои правительства
Штыки и дула наводи!.."
Во дни войны кроваво-пламенной,
Когда мир кровью истекал,
Клим Ворошилов сдал экзамен
На ленинца-большевика.

ВОРОШИЛОВ В ЛУГАНСКОМ СОВЕТЕ.

„Ворошилов, как старый вождь донецких рабочих, вышедший из их семьи, еще с 1903 года пользовавшийся у них колоссальной популярностью и авторитетом, сразу встал у кормила власти на посту председателя Луганского совета".

(*Погребной „Летопись революции" № 4, 1924 г.*).

Был март. Был снег. Был воздух синий.
Был луч оттенка янтаря.
Горел, облитый керосином,
Портрет последнего царя.
Проспекты людом запестрели,
И громко в голубую глубь
Вдруг —
Марсельезой загремели
Глухие глотки медных труб.
Был многолюден день белесый,
Звенел,
Смеялся
И кричал.
И было много марсельезы,
Речей, лучей и кумача.
„Свободу" переоценили...
И стало ясно в феврале...
Войну — вести
Заводчик — в силе.

Помещик при своей земле.
Кумач поблек, и закачалось
Древко в обманутой руке,
Но *с Финляндского вокзала*
Ленин мчал в броневике.
    Он, прищуря глаз лукаво,
    Вез, под плески кумачей,
    Массам Выборгской заставы
    Динамит простых речей.
И Ворошилов с силой новой,
С напором воли и огня,
Простое ленинское слово
Принес в Луганск, как лозунг дня.
Был день, как вид эсера, серый,
Луганск в то время был таков:
В Совете скопище эсеров,
А в Думе рой меньшевиков.
Цеха — за Клима. Знайте, внуки, —
До октября на Климов зов
Луганск рабочий вскинул руки
За фракцию большевиков.
Эсеровская песня спета:
Их выбил большевистский клин,
И председателем Совета
Был избран Ворошилов Клим.

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР.

„После Октября К. Е. Ворошилов работает комиссаром города Петрограда и помогает т. Ф. Е. Дзержинскому организовать ВЧК".

А. Смирнов.

В предместьи большевистский выстрел
Прогрохал яростно сигнал.
Тот выстрел время бурно взбыстрил
И все сомненья разогнал.

Восстанье!
Час освобожденья!
Час исторических забот,
Когда берет бразды правленья
Завод, казарма, порт и флот.
Столетья не было простора
Матросской стали и свинцу.
Как грозно грянула „Аврора“
Огнем по Зимнему дворцу!
Пошли заводы и предместья
Чеканным шагом по торцам
И жгли сердца горячей вестью —
„Мир хижинам, война дворцам“.
Прожектор режет мрак угольный,
И улицы, как бивуак.
И строгий,
Чинный,
Чванный Смольный
На ветер вскинул рдяный флаг.
Плакатище — „Вся власть Советам“
Ветрище весело качал.
И тексты первенцев-декретов
Ульянов-Ленин подписал.

Страна заликовала сразу,
Курилась радостью Кура.
Вязались сказы по Кавказу:
Урал в горах орал ура.

Взрыл тишь Иртыш. Выл волком Волхов,
В утробе Оби — спазма бурь,
От счастья воли волгла Волга,
И больше не был хмур Амур.

На дне Днепра вечерним часом
Цвели зеленые луга.
Гудел Дон басом над Донбассом,
Где лихо ликовал Луганск.

Сечет лицо октябрьский ветер,
Свиреп и гневен, крут и яр.
Где Ворошилов? Он в Совете,
Он Петроградский комиссар.
Еще не смолкла канонада,
И улицы шумят стрельбой.
Он вводит в городе порядок,
Совета верный часовой.

А буйный ветер партизанский
Несет об Украине сказ,
И сердце бьется по-Лугански,
И сердце слушает Донбасс.

СТОЙ!

„Из рабочих Ворошилов организовал 1-й луганский социалистический партизанский отряд. Гартмановцы оборудовали и передали два броневика“

(*Краткий очерк революционного движения на Луганщине*).

„... Кругом все бежали до самой Ворожбы, не слушая никаких приказов. Какой-то подпрапорщик, которому перед боем партизаны вручили верховное командование, после тщетных попыток остановить убегавших, сел на землю и истерически зарыдал. Тогда т. Ворошилов принял командование, и луганцы не бежали“.

(*Межлаук „Летопись революции“ № 1, 1922 г.*).

Столица. Будни. Светотени.
Вдруг песня.
Вдруг повеет гарь...
Бывают дни, когда с волненьем
Заглядываешь в календарь.

И грудь смятением объята.
И время в памяти гудит.
Минута, — и пылают даты,
Как красный орден на груди.

Огни и дымы.
Кровь и травы.
Пороховые вечера.
Встает виденьем величавым
Нам богатырское вчера.

Плывет, как свежий сон, картина,
Как явь с легендой пополам —
Пылающая Украина,
Что кровью жито полила.

Напорист ветер партизанский...
Блестят винтовочки в руках...
Несется буйно в бой луганский
Отряд на двух броневиках.

Ползут на Украину каски,
Как полчища голодных крыс.
В бою у серой Дубовязки
Луганцы с немцами сошлись,

Снаряды лопаются. Взрывы,
Как огненная бахрома.
Склонились мертвецы на гривы,
И сходят лошади с ума[1].

Вот Ворошилов. Губы сжаты.
В руках дымящийся наган.
Он видит — паникой объяты
Ряды луганских партизан.

Снаряды бьют. Поля изрыты.
Отряд бежит. Отряд пропал.
И командир, упав на жито.
В бессильном гневе зарыдал.

Вот в этот час —
Лихой,
Опасный,
Родился вождь — и боевой

---

[1] Строчка Н. Ушакова.

В упор луганцам крикнул властно
Неодолимой сталью —
Стой!
Стой — сзади женщины и дети,
Стой — сзади цех и рудники,
Стой — сзади лучшие в Совете,
Стой — победят большевики.
И встал отряд,
И залп раздался.
И враг почуял в залпе — мощь.
В боях за шахты утверждался
Гражданских битв рабочий вождь.
В походе гибельном и дымном
Улыбкой бодрой он сверкал,
Учил железной дисциплине
И теплой шуткой ободрял.
В отрядах встретились ребята,
С кем в ранней юности дружил,
Которых вербовал когда-то
В десятки боевых дружин.
Шли в бой разгневанные массы
Отстаивать в бою Донбасс,
И Ворошилов в час опасный
Был выдвиженцем этих масс.
Шел командарм дорогой длинной
Под стягом красным, а кругом
Стонала тяжко Украина
Под кайзеровым сапогом.
Земля горела, и как-будто
Над Украиной шел трезвон:
То закипал казачьим бунтом
Калединский
Кондовый
Дон.

СТАЛЬНАЯ ЛАВИНА.

„Немецкие хищники до Донбасса шли сравнительно легко, забирая город за городом. Под Конотопом впервые немцы встретились с рабочими. „Руки прочь от Донбасса“—говорили металлисты и шахтеры и брали в руки винтовки, защищая родной Донбасс. В „группе войск Ворошилова“, подвигавшихся к Царицыну, были пролетарские поляки. Если переход Ковтюха был *железным потоком*, то продвиженье Ворошилова было *стальной лавиной.*

(*Из воспоминаний Щаденко*).

С оттенком украинской мови,
Скупою правдой жестких строк
Боец пера Серафимович
„ЖЕЛЕЗНЫЙ — написал — ПОТОК“.
Волнуя, в прошлое уводит
В той книге каждая строка,
Рассказывая о походе,
С Тамани войск Кожуха.
И был поток, но не *железный*,
Стальной поток рабочих масс,
Который по степям, над бездной
Вел Ворошилов чрез Донбасс.
Зловеще реяли зарницы.
Рвались снаряды. Пел металл,
Клим Ворошилов шел в Царицын,
Который кровью истекал.
Десятки тысяч в батальонах
А сзади — жены, дети, скот.
Шел, пыльной степью изнуренный,
В отряды скованный народ.
Просты, суровы были мысли
Вождя бесчисленных колонн.
А коршуны зловеще висли,
Слетаясь со степных сторон.
Казалось, по степи не маки
И не закат огнем густел,
А немцы,

Банды
И казаки
Покрыли алой кровью степь.
Мерещилось, что крылья смерти
Шевелят флаги всех полков,
Что будет половецкий ветер
Свистеть в глазницы черепов.
Вот Ворошилов, — он в походе
Не обессилел,
Не устал;
Обороняясь, руководит
Восстановлением моста.
Донбассцы шли стальной лавиной
В Царицын, к Сталину, вперед...
Когда-нибудь споют былины
Про этот сказочный поход.

КРАСНЫЙ ВЕРДЕН.

„Ворошилов—бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции. Под ст. Морозовской его войска были окружены казаками со всех сторон, но благодаря его энергии и помощи Сталина, он пробивается к Дону, восстанавливает связь с Царицыным, восстанавливает железнодорожный мост и, наконец, соединяется с Царицынским гарнизоном, приведя ему свыше 15 000 штыков и многочисленные запасы. Эти заслуги и вместе с тем ясный ум, здоровые военные рассуждения сделали то, что Ворошилов через короткое время занимает выдающийся пост командующего 10-й армией Южного фронта. Нужно отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то во всяком случае ему нельзя отказать в способностях к упорному сопротивлению и так сказать ударной тактике“.

(Из белогвардейского журнала „Донская волна“).

Советский строй был нов и молод.
Кричал Демьяновский плакат.
Нас ела вошь,
Душил нас голод,
Сжимало нас кольцо блокад.

Храня Советские границы,
Как исполинский часовой,
Огнем вписал себя Царицын
В историю гражданских войн.
Пылали по степям станицы,
Кровавилась роса цветов.
Ты помнишь Сталина, Царицын,
Его насупленную бровь?
И Волгу, красную, как рана,
И дым, и раненых воза,
И Ворошилова с наганом
С пожаром ярости в глазах?
И пенье пуль, и гул, и стоны,
И трупы, павшие в сугроб.
И эту песню обороны,
Которую родил окоп?
„Пурга нас запушила
Седою злобой зим.
Товарищ Ворошилов,
Царицын отстоим.
Бессонны наши ночи,
И грозен блеск штыков.
Мы, армия рабочих,
Крестьян и батраков.
Мы трупами траншеи
Скрепим по рубежу,
Не сели чтоб на шеи
Помещик и буржуй".
Не даром пышет злобой
Белоказацкий стан.
Свинец бригады Жлобы
Разящ, как ураган.
Под залпы из траншеи
Деникин впал в тоску,
Забудут лиходеи
Дорогу на Москву.

Нас смерть не устрашила,
Победа — впереди.
Товарищ Ворошилов,
Царицын не сдадим.
И молча радовался Сталин,
Что Ворошилов крут и яр,
Как-будто выточен из стали
Был выдвиженец-командарам,
Что Ворошилов, вдохновенно
Владевший словом и штыком,
Всегда,
Везде
И неизменно
Был Ленинским учеником.

КОНЕЦ БАТЬКИ ГРИГОРЬЕВА.

„Тов. Ворошилов был назначен командующим действующими войсками Харьковского военного округа для ликвидации банд атамана Григорьева"

Л. С. Соколов.

Огню и воронам раздолье —
Пожары, трупы и вино.
Под черным флагом Гуляй-Поля
Тачанки Нестера Махно.
На грабежи братву науськав,
Стреляя в хутора впотьмах,
В рейтузах пьяная Маруська
Гуляла с бандою в степях.
Крепчал на Украину натиск.
Росла и ширилась борьба —
И рыскали десятки батек,
Ведя оравы диких банд.
Горело жито. Наплевать-ка.
Орда текла за валом — вал.
Воскресла Сечь, и каждый батько
Тарасом Бульбой гарцевал.

Гремели песни на просторе,
Пах трупами крутой курган,
Кровавый атаман Григорьев
Вострил на Харьков ятаган.
В бандитский стан, куда спешило
Офицерье, сынки купцов,
Ворвался дерзко Ворошилов
С отважной горсточкой бойцов.
Храпели кони. Были сшибки.
Был хаос сабель, пуль и пик.
С Григорьевым рубились шибко.
Ждать Ворошилов не привык.
В степи отгрохали атаки.
Разбит Григорьев, батько банд.
Валялся китель цвета хаки,
Который бросил атаман.

СЛОВО ВОРОШИЛОВА К БУДЕННОВСКИМ КОННИКАМ.

„Познакомившись с т. Ворошиловым, я без долгих разговоров попросил его выступить перед дивизионом. Простая, но горячая и убедительная речь, четкие политические лозунги, за что мы боремся и что нам нужно делать, чтоб победить, произвели глубокое впечатление на красных партизан и осмыслили их жестокую борьбу с врагом, обнажив ее настоящую классовую сущность".

(С. М. Буденный, „Ворошилов в рядах Конармии").

Дивизион молчит. В папахах,
Обветренных в дыму атак,
В бою, не знающая страха,
Сидит в кругу семья рубак.
Тютюн дымит. И в синем дыме,
В пахучей дымной пустоте —
Качаются сады, за ними —
Станицы,
Журавли
И степь.

В степи, под небом бирюзовым,
Где бархатен и ласков гром,
Неодолимым тихим зовом
Курится жирный чернозем.

Бойцы с Днепра, с Донца, с Кубани,
Они — вглядись-ка в них смелей —
Они — пшеничные крестьяне,
Родные сыновья полей.

Зачем они в боях великих
И каждый порохом прожжен?
За тонкие ребячьи крики,
За изнасилованных жен...

За жизнь могучим вольным станом,
За ширь распаханных полей,
За то, чтоб жить без атаманов,
Помещиков и куркулей.

Дивизион молчал. Тушила
Заря свой свет, как уголь, печь.
Дивизиону Ворошилов
Сказал решительную речь.
„Товарищи,—
И голос звоном
Запал в мужицкие сердца,—
Вас в бой водил Семен Буденный,
Хлестал вас ураган свинца.
Вы ежечасно наготове,

Вас в этот конный славный полк
Послала классовая совесть
И боевой гражданский долг.

Вы смело ринулись в сраженья,
Осуществляя лозунг свой:
„Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой“,

На нас огромною лавиной
Идут враги. Мы победим.
Но победим лишь с дисциплиной;
А дисциплину
Создадим.

В отрядах дисциплину выковав,
Ударим дружно. И тогда
Раздавим генералью клику
Железной армией труда".

Он говорил и видел ясно —
Глаза бойцов огнем зажглись.
Идея Ленинская властно
В степной врастала героизм.

Безусый конник бровью дрогнул —
Слезой заволокло глаза:
Он сердце словом мне затронул.
Он правду обо мне сказал.

ВОРОШИЛОВ В КОНАРМИИ.

„Приказом Реввоенсовета республики и Южфронта конный корпус Южфронта (т. Буденного) преобразован в 1-ю Конармию. Во главе управления армии поставлен РВС в составе командарма т. Буденного и членов РВС тт. Ворошилова и Щаденко".

(Из первого приказа РВС 1-й Конармии).

Декабрьский вечер тихий, сонный.
Едят в тиши армейский суп —
Усатый командарм Буденный,
Щаденко крепкий, словно дуб.

Тревожный стук — и ординарец
Дает пакет. В пакете весть —
Возможность есть врага ударить
Внезапно, с тыла. Можно ль есть

Спокойно суп, когда спешила
С позиций весть, где боевой,
Нетерпеливый Ворошилов,
И эскадроны рвутся в бой?
Буденный щурит глаз лукавый:
Он Ворошилову родня:
Ему-б всегда катиться лавой
Под ярость вражьего огня.
Щаденке ль отставать? Не он ли,
Широкоплеч, суров и крут,
В наплывах взрывов, в блеске молний
В атаки вел шахтерский люд.
И бой решен.
Несется в звоне
Конармия под блеск костров.
Ах, кони, кони, буря-кони,
Ах вьюга грив, мятель хвостов.
Картина славная пред нами
Встает из прошлого: гляди —
Вот первый орден, словно пламя,
На Ворошиловской груди.
Суровы дни. Суровей ночи.
Клим Ворошилов меж бойцов.
Гремит он правдою рабочей
Мужицкой армии в лицо.
Он весел был под грозным градом
Свинца, гостинца для сердец.
Его в боях видали рядом
Комдив,
Комбриг,
Комэск,
Боец.
Был Ворошилов крепко занят.
Задав себе большой урок
Обольшевичить партизаний
Клокочущий людской поток.

Глашатай Ильичевой мысли
И в армии партийный глаз—
Вождь Ворошилов, он немыслим
Без партии, ведущей класс.

ТОВАРИЩ, БЕРЕГИ КОНЯ.

„19 июля 1920 г. Чуть было не забыл отметить интересный случай, хотя и маленький. Уже вечером, возвращаясь с позиций, у Смордова, на лугу один из ординарцев заметил лошадиную голову, торчащую из колодца. Я предложил С. М. вытащить лошадь, которая оказалась живой. Торчала одна голова. За уши и за гриву, с большим трудом извлекли серенькую, небольшую, но хорошенькую лошадку".

(Из фронтовых записей К. Е. Ворошилова).

На отдых встали эскадроны,
Вдали орудий гул ослаб,
Устало ехали Буденный
И Ворошилов с фронта в штаб.
Про лошадей беседа льется,
И дружеской беседе в тон
Увидели, что из колодца
Выглядывает серый конь.
За уши,
Гриву
И за чолку
Тащили лошадь из воды.
Смотрел Буденный втихомолку
На Ворошилова. Следы
Лишений и недосыпанья
Рассказывали про войну,
И все ж увели глаза вниманье
К товарищу в боях—коню.
Цвело улыбкою чудесной
Лицо. И в летней тишине
Гармоника плеснула песней,
Должно-быть, песней о коне.

Над Доном звезды, как дозоры.
Над Доном тихий свет луны.
В степных немерянных просторах
Привольно бродят табуны.

Пасутся кони близ станицы,
На травы гривы наклоня.
Товарищ, не смежай ресницы,
Товарищ, береги коня.

Как только враг рубеж советский
Перешагнет, — с того же дня
Польется степью молодецкой
Клич: „Пролетарий, на коня!“.

Привыкший к выстрелам и бою,
Забыв о бархатной траве —
Товарищ боевой с тобою
Помчится биться за Совет.

Несясь в атаку конной лавой,
Летя на линию огня,
Как сердце и как глаз свой правый,
Товарищ, береги коня!

В степи росистой втихомолку
Крадется волк, тень хороня.
Готовь заряд свинцовый волку.
Товарищ, береги коня!

С собачьим сердцем, с черным взглядом
Ползет злодей, уздой звеня.
От недоуздка конокрада,
Товарищ, береги коня!

Репейник в гриве. Шерсть пылится.
Не чищен конь четыре дня.
Товарищ, этак негодится,
Товарищ, береги коня!

Скажу тебе я без утайки,
Скажу, в глаза тебя браня:
Твой конь не заслужил нагайки.
Товарищ, береги коня!

Тов. Ворошилов под Царициным (Сталинград)

Паси коня на сочных травах,
Для сечи будущей храня.
Ведь конница — гроза и слава.
Товарищ, береги коня!

РОЖДЕСТВО В РОСТОВЕ.

„6 января 1920 г. Красная конница подошла к Ростову-на-Дону. Белые стянули здесь на небольшом пространстве все свои главные силы и богатую технику. После ожесточенного боя белые были сбиты и начали поспешно уходить к Ростову и Новочеркасску. Дело было накануне „Рождества“. Ростов был полон кутившими и гулявшими офицерами, ничего не знавшими о пораженьи своих и о том, что Красная конница уже занимает окраины Ростова и Нахичевани. Во всех богатых домах, ресторанах, театрах и пр. шли кутежи и балы. По улицам разъезжали пьяные офицеры.

К вечеру 9 января 1920 г. Ростов и Нахичевань были окончательно очищены от белых“.

(*Л. Клюев „Боевой путь Первой конной“*).

Расставив армию подковой,
Деникинцы, забыв войну,
Встречали „Рождество Христово“
Вином в Ростове-на-Дону.
Шампанское шипело. Пробки
Взлетали в потолок лепной.
Бокалы, рюмки, кубки, стопки.
Везде —
Вино,
Вино,
Вино.
Норвежский ром в походной фляге,
Сивуха, как картечь, крепка.
Тропическая кровь малаги,
Прозрачный, как янтарь, токай.
Осенний рислинг — лед и пламя,
Ликер густейший, будто лак,
Со звездами, как с орденами,
Его величество коньяк...

Плешивый ротмистр у рояля,
Хмелея, даме говорил:
„Я послал тебе черную розу в бокале,
Золотого, как небо, аи...“ [1]

Поручик шел, держась за стены,
Орал, входя в армейский раж:
„Это... было... у моря, где ажурная
пена,
Где встречается редко городской
экипаж“ [2].

В уланской форме, встав на стольчик,
Звенела дама в гам и рев:
„Ах, где вы, где вы, маленький креольчик,
Мой смуглый принц с Антильских островов“ [3].

А за Ростовом, в поле белом,
Внизу и в лунной высоте,
Шумней шампанского шипела,
Как зверь, косматая мятель.

Она металась плачем вдовьим,
Обрушенным на мужний гроб,
И не малагой —
Теплой кровью
Обрызган белый был сугроб.

Конноармейцы поозябли,
Но греться было не с руки:
Они спешили взять на сабли
В Ростове белые полки.
Крепка Ростова оборона:
Там танки,
Жерла батарей,
Разномундирье батальонов
И многотысячье коней,

---

[1] А. Блок.
[2] И. Северянин.
[3] А. Вертинский.

Мост генеральский. В день туманный
Здесь разразился долгий бой,
Ожесточенный,
Беспощадный,
И сабельный и огневой.
Не допито вино в бутылках,
И звон бокалов не умолк —
В Ростов ворвался в богатырках
Тридцать четвертый конный полк.
Ростов отбит. На танках иней.
И Ворошилов, как везде,
Гремит о жесткой дисциплине
В тиши ростовских площадей.
Испытанный трибун подполья,
Он жаром пролетарских слов
Вдыхает ленинскую волю
В крестьянские сердца полков.
Собрав остатки пьяных штабов,
Соря отчаянную брань,
Деникин двинул белый табор
С лихого Дона на Кубань.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД.

„21 января 1920 г. Конармия начинала третью неудачную атаку в лоб Батайских высот. Ее цепи ползли по льду, наверху которого стоял тонкий слой воды, и в сумерках третьего дня бойцы дрогнули, стали отходить в исходное положение. К. Е. Ворошилов с лошадью, на которой он разъезжал по цепям, опустился под лед в полынью, выбитую снарядами. Цепляясь руками за лед, он еле-еле успел выскочить из ямы“.

(С. Н. Орловский, «К. Е. Ворошилов в 1-й Конармии»).

Насупил вечер брови хмуро,
Мохнатый иней с веток свис.
И ртуть по трубке Реомюра
Панически спустилась вниз.

Сквозь клочья тучек звезды светят.
Сердито ожигает нос
Степной разбойник — резкий ветер—
В тридцатиградусный мороз.
Эх, в хату бы. К печной бы пасти
Из этой стужи ледяной.
Стал на морозе сивой масти
Конь комиссара вороной.
Сурова ночь. Не до дремоты.
Ползут конноармейцы в бой,
Чтоб взять Батайские высоты
Ночной атакой лобовой.
Атака первая отбита.
Ползут по льду ряды бойцов.
Окрестность снежная полита
Всеистребляющим свинцом.
Двадцатый полк шумит, взволнован...
Пал командир. Над трупом — мат
Убили, гады, Хохлунова...
В божиху...
В бога...
В боженят...
И снова залпы, словно смерчи,
И от снарядов стонет лед.
Из стужи, крови и картечи
Слагался ледяной поход.
Два подступа отбиты. В третью
Атаку шли на штурм высот,
Чтобы в Батайске на рассвете
Закончить ледяной поход.
В атаках были пешим строем,
Минуты стыли, как года.
Ползли по льду, где тонким слоем
Студеная текла вода.
Взрыв. Выкрик: „Погибаю, братцы!"
Погиб, бедняга. Цепь ползет.

К винтовкам примерзают пальцы.
Снаряды пробивают лед.
От взрывов — полыньи. Как в бреде,
Снаряды в ледяном аду.
По цепи Ворошилов едет
В Батайск атаковать по льду.
Давно крещен он и испытан
В огне снарядовой беды.
Вдруг —
Вместе с лошадью летит он,
Ввалившись в прорубь,
В плен воды.
Схватясь за лед, он руки ранит.
Вода заковывает рот,
И словно кто-то тянет-тянет
За ноги вглубь, в недра вод.
Едва он выбрался. Атака
По льду отбита. Предал лед.
Враг шумно ликовал. Однако
Буденный двинулся в обход.

ПРОРЫВ ПОЛЬСКОГО ФРОНТА.

„На рассвете 5 июня 1920 г. тт. Буденный и Ворошилов явились в расположение своих дивизий у с. Татариновка. Дивизии уже начали артиллерийский бой с противником, за которым РВС Конной армии наблюдал с церковной колокольни. После небольшой артиллерийской подготовки части 14-й, 4-й и 11-й кав. дивизий, при поддержке автоброневиков, бросились на позиции сс. Самгородок и Снежко и сбили их. Поляки дрались отчаянно. Польская кав. бригада бросилась было на выручку своих, но нарвалась на главные силы Красной конницы, волнами катившиеся в прорыв—во главе с самим т. Буденным. Фронт польского расположения был прорван“.

(*Л. Клюев. „Боевой путь Первой конной армии“*).

Деникин сбит. Бои другие
Ждут Ворошилова. Была
Пора, когда советский Киев
Увидел польского орла.

К. Е. Ворошилов—Командующий войсками Северо-Кавказского военного Округа.

Как саранча, слетелась шляхта
На украинский свежий хлеб,
Винтовки зарядили шахты,
Запартизанил старый Днепр.

Конармия была в Майкопе,
Приказ — на фронт.
Помчал — под свист
Навстречу хищнице-Европе
Буденновский кавалерист.
Чтоб лучше с Польшею рубиться,
Клим Ворошилов ворошил
Во всех дивизиях партийцев,
Одною жизнью с ними жил.
Партийной преданные воле
Росли для будущих боев
С ним Берлов, Бахтуров, Озолин,
Пархоменко и Шепелев.

Местечко Сквиры. Там засела
На отдых конница врагов.
Там флаг — малиновый и белый
Плескался — дерзок, горд и нов.

Храбрился генерал Савицкий,
Конь вороной под ним плясал,
Над конницей, над большевистской
Глумился бравый генерал.

Кто Ворошилов? Неуч-слесарь,
Буденный кто? Холоп, мужик,
Заранее пусть служат мессу,
Я баловаться не привык.

...Серело утро. Вились вспышки.
Гул канонады наростал.
И Ворошилов с сельской вышки
За ходом боя наблюдал.

Вот прискакал Буденный. Живо —
Короткий вышел разговор.

И шалый ветер пенит гривы,
И конница летит в простор.
Навстречу легионы Польши,
Начался рукопашный бой.
Зазубрин стало вдвое больше
На каждой сабле боевой.
Буденновцы катились лавой,
Буденный саблею сверкал.
И повернул коня бесславно
Хвастливый польский генерал.
Врываясь в польский тыл, стихией
Рубилась, побеждая, рать.
Пришлось полякам вскоре Киев,
Скрипя зубами, покидать.
Брал Ворошилов бранный опыт,
Подпольным опытом богат.
Он под походный свист и топот
Из партизан ковал солдат.
Он, мчав с Конармией упорно
Прямейшей изо всех дорог,
Был верным проводом, в который
Включала партия свой ток.

РАБОЧЕ-МУЖИЦКАЯ ДРУЖБА.

„К. Е. Ворошиловым получена от т. Сталина директива, в которой он предлагает принять все меры, чтобы 31 июля Конармия заняла Львов. „Взятие Львова,—пишет т. Сталин,—будет иметь значительный вес при переговорах с Польшей о мире“.

С. Орловский.

Клим Ворошилов был рабочий,
Семен Буденный был мужик,
Их боевой союз был прочен,
Нерасторжим, глубок, велик.

Ведь если вдумчиво всмотреться, —
В сложнейшем организме войск—
Один в Конармии был
Сердце—
Другой в Конармии был
Мозг.
Они в походах мяли травы,
И каждый к пенью пуль привык,
Сполошный зык:
„Даешь Варшаву“!
Гремел над остриями пик.
Звенел девиз конноармейцев,
Могуч и свеж, горяч и прост,
И рвалось, радовалось сердце,
И трезво вдумывался мозг.
С громоподобным этим кличем
Над буйной удалью голов
Был взят Житомир и Бердичев,
И мчала армия на Львов.
Полковники в своих приказах
Грозясь, оскалили клыки:
Ведь большевистская зараза
Проникла в польские полки.
Солдаты польские устали,
К молитве ксендзовой глухи,
Смеясь над панами, читали
Демьяна Бедного стихи.
Бежали паны,
Путь был в ямах,
От памятных для шляхты Сквир,
И сталинская телеграмма
Кончалась кратким словом „мир“.
Ясновельможной панской Польше
Урок крутой и грозный дан.
Пожалуй, не захочет больше
Поить коня из Дона пан...

Пожалуй, алые жупаны
Подальше спрячет пан в сундук,
Наденет пышный траур панна
По шляхтиче, попавшем в Буг.
Века узнают подвиг Конной
Ее тяжелый, ратный труд.
И Ворошилов,
И Буденный
В легенды славные войдут.
И внуки скажут: сплав был прочен,
Прообраз смычки в нем велик:
Клим Ворошилов был
Рабочий,
Семен Буденный был
Мужик.

НЕПРИШИТАЯ ПУГОВИЦА.

„В ноябре 1920 г. при внезапном налете белых на деревню „Отрада" К. Е. Ворошилов внезапно наскочил на эскадрон противника и врезался в его расступившиеся ряды. Какой-то текинец, визжа, направил в него пику, К. Е. Ворошилов, не успев снять перчатки, выстрелил, но промахнулся. Пущенная пика запуталась в бурке, а подскочивший ординарец убил текинца".

(С. Н. Орловский, „К. Е. Ворошилов в Первой конной").

Заря багряный свет тушила,
Шумел ноябрьский листовал,
Сидел с иголкой Ворошилов
И пуговицу пришивал.
Не слушаясь, крутилась нитка,
Топорщился в руках костюм,
Вдруг—
Глухо хлопнула калитка,
Раздались выстрелы и шум.

На желтом фоне листопада,
Под шум и посвист ветровой,
В деревне серенькой—Отрада
Внезапно загорелся бой.
Портняжное занятье бросив
И пуговицы не пришив,
Рванулся Ворошилов в осень,
Порывист и неустрашим.
Стрельба его не оглушила.
На сабельный поехав звон,
Ворвался конный Ворошилов,
Как вихрь, во вражий эскадрон.
И было так.
С гортанным криком,
Раскинув бурки мрачной тень,
Метнул текинец смуглый пику,
Избравши сердце за мишень.
Но пика просвистела рядом,
Не тронув сердца. Плох прицел.
В багряных ранах листопада
Бой буйно саблями звенел.

ПОХОД НА БАРОНА ФОН ВРАНГЕЛЯ.

„Пути наши неизвестны, казна пуста, и ни одно государство не дало еще согласия на прием беженцев".

(Из последнего приказа Врангеля).

Тревожен заповедник Чапли,
Тревога смяла тишину,
Над Чапли раскричались цапли,
Взревел бизон. Взметнулся гну.
Забыв протоптанные тропы,
Кулан неистовый скакал,
Неслись, как ветер, антилопы,
И ужас зебру оседлал.

Над Чапли самолеты кружат,
Дрожит от страха зверистан.
И вот такой животный ужас
Объял и врангелевский стан.

На правом и на левом фланге
На пиках красные флажки.
Оставив спесь, барон фон Врангель
Терял последние полки.

Барона черного страшила,
Рождая холодок в груди,
Конармия, где Ворошилов
И где Буденный впереди.

Катилась конная лавина,
Над Сивашом вставал туман,
Кавалерийский поединок
Доселе помнит Агайман.

Чонгарский мост. Горячим ветром
Конноармейцы рвались в бой,
Дрались с геройством беззаветным
Бойцы дивизии шестой.

Под хохот вражьей канонады
От рыси перешли в галоп.
В боях под фрунзевской командой
Пал непреклонный Перекоп.

Здорово, Крым,
И степь, здорово,
Нам строить жизнь, а вам цвести!—
И гулко гукают подковы
В ногайской, ласковой степи.

Война кончалась. Дань секунде,
Кусочек лирики сквозь бой,
Стояли Ворошилов с Фрунзе
И молча слушали прибой.

Был сизый вечер. На просторе
Грядой вздымалась груда туч,

Прибой крепчал. И голос моря
Как гул эпохи был могуч.
Волной соленой берег вспенен.
Волна вставала, чтобы лечь,
Как будто в Коминтерне Ленин
Произносил с трибуны речь.

ЛИКВИДАЦИЯ МАХНОВЩИНЫ.

„5 декабря 1920 г. Задача Конармии сводится к тому, чтобы очистить Екатеринославскую губернию от махновских банд. Конармия приступила к ее выполнению".

С. Н. Орловский.

Фон Врангель выбит... Отшумела
Пора восторгов и утрат.
. . . .
Махно, кулацкий батько, сделал
Из Гуляй-Поля—Махноград.
Черешен ласковых гирлянды,
Пшеницу, свеклу и морковь
Топтали бешеные банды,
Мешая самогон и кровь.
В разливе забубеной пьянки,
В гульбе,
Погромах
И пирах
Летали легкие тачанки,
Скрываясь в сытых хуторах.
Топча полей крестьянских жито,
Туманя дымом горизонт,
Из анархиста стал бандитом
Махно, создавший новый фронт.
Покрыв свои знамена славой,
Из Крыма повернув назад,
Конармия могучей лавой
Пошла в поход на Махноград.

Коня пришпорил Ворошилов,
Буденный прихлестнул коня;
В бои Конармия спешила,
Походной песнею звеня.
Эй, батько! Свертывай знамена,
Подмажь тачанки и беги,
Тебе ль сражаться с Первой конной,
Чьи кони побыстрей пурги?
Конармии привычно драться,
Исход сражения предрешен.
Под кров румынской сигуранцы
Махно разбитый перешел.

В БОЯХ ЗА ЛЕНИНИЗМ.

„К. Е. Ворошилов, как вернейший ученик Ленина, воспитывал партийную организацию в Конармии. На 5-й партконференции Конармии (1921 г.) в рядах парторганизации Конармии нашлись сторонники платформы Троцкого по вопросу о профсоюзах. Тогдашний начальник политуправления Конармии вдруг выступил на конференции с особым содокладом, защищавшим взгляды Троцкого. Ему удалось на конференции из всего состава в 300 человек собрать только 20 голосов".

(С. Н. Орловский, „К. Е. Ворошилов в Первой конной армии").

Все просто. Обнажись, развейся,
Легенда о вождях полков...
. . . .
Сплотил ряды красноармейцев
Дух партии большевиков.
Она,—чудесный сгусток класса—
Стальная партия—вела
Клокочущие гневом массы
На беззаветные дела.
За наковальню и за ниву,
За коммунизм дрались полки.
Партийной четкой директивой
Гранились грозные штыки.

И оттого, что большевичьим
Конармию он вел путем—
По положенью и обличию
Клим Ворошилов был вождем.
Массив крестьянской Первой конной
Направил по пути побед
Испытанный
И закаленный
Великой партии полпред.
Вождь армии и вождь заводский
Смотрел и видел хорошо:
Развернутой платформой Троцкий
В поход на Ленина пошел.
Клим Ворошилов против фракций,
Он снова—пламенный трибун:
Не дискуссировать,
А драться,—
За хлеб, за уголь, за чугун.
Не дискуссировать... Но разум
Кипит сноровкой боевой.
Он фейерверк троцкистской фразы
Бьет ленинскою простотой.
Партконференция. Клокочет
Партийный люд. Бойцы шумят.
Готовил Начпуарма ночи
Троцкистский тонкий содоклад.
В тот вечер громкий Климов голос
Непримиримостью звучал,—
Сказалась сталинская школа
И выучка у Ильича.
Он бился с волей непреклонной,
Чтоб дать ЦК прямой ответ:
В партколлективах Первой конной
Все ленинцы,
Троцкистов нет.

КРОНШТАДТСКИЙ БУНТ.

„К. Е. Ворошилов принимает наиактивнейшее боевое участие в ликвидации кронштадтского мятежа. Доклад на X партсъезде о подавлении кронштадтского мятежа сделал К. Е. Ворошилов".

Нилов.

...„Имеет слово Ворошилов"...
Он встал, немного угловат,
Рукоплесканья заглушили
Его начальные слова.
    По Митрофаньевскому залу
    Кремля бежала зыбко дрожь,
    Сковал свой рапорт из металла
    Кронштадтского похода вождь.
Про штормовой Кронштадтский бунт
Он рассказал с суровым знаньем
Маршрута,
Цифр,
Имен
И дат,
Как белым пламенем восстанья
Пылал мятущийся Кронштадт;
    Как треть десятого партсъезда
    Взяла винтовку, как один,
    И шагом двинулась железным
    Дорогою снегов и льдин.
Как шли партийцы тесным рядом,
Волною уличных атак,
Как взмылся снова над Кронштадтом
Победный пролетарский флаг.
    Охвачен, скован был волненьем
    Ритмичный, строгий ход секунд,
    И слушал съезд,
    И слушал Ленин
    Про сломленный Кронштадтский бунт.
И видел Ленин: круто сварен
Солдатом и большевиком

Стальной луганский пролетарий
И славный будущий нарком.
И видел Ленин:
Люд Донбасса
Из шахт поднялся до вершин.
И с ростом и расцветом класса
Растет вожак его и сын.

ВОРОШИЛОВ В РОСТОВЕ.

„В мае 1921 г. К. Е. Ворошилов назначен был командующим войсками Северо-кавказского военного округа и членом РВС СССР. Увидев его в Ростове после долгой разлуки, я поразилась тому, как он возмужал и вырос. Я знала его рабочим подпольщиком, а теперь передо мной сидел железный командир, вождь армии“.

(Из воспоминаний Гущиной).

Войной отгрохала планета.
Как будто мир, но в тишине
В больших и малых странах света
Опять готовятся к войне.
И Ворошилов смотрит в оба —
Партиец старый, командарм,—
Чтобы военною учебой
Насытить новый быт казарм.

В Ростове загремели песни
Под мирным парусом небес.
Шумит на станции воскресник:
Красноармейцы грузят лес.
Винтовка. Книга. И воскресник.
И в клубе, где из бронзы Маркс,
Суровый, четкий и чудесный,
Вперед зовущий, политчас.

И Ворошилов, неустанный,
Растет, чтоб за собой вести.
Он битв гражданских опыт бранный
С подпольным опытом скрестил.

Сады сорят кармин и охру,
Маневры грохают трубой,
И Северо-кавказский округ
Шумит военною игрой.
В бою-игре звенят подковы,
В атаках без смертей и ран,
Дивизии к боям готовы,—
Экзамен сдан.

ВКП(б).

„Основная черта К. Е. Ворошилова, без чего он не мыслим, это его партийность, его большевизм. Во всех своих поступках больших и малых он прежде всего большевик-ленинец“.

(Из беседы с командиром 6-й кавдивизии тов. Апанасенко).

В поход, в поход слова без глянца[1]
. . . Узлищем соединены
И биография Луганца,
И биография страны.
Да что страна! С планетой слита
(Или, попробуй, развяжи)
Земная классовая битва,
И ворошиловская жизнь.
И этот узел, скрепы, звенья
В труде, походах и борьбе—
То партия, где лидер Ленин,
Могучая Ве-Ка-Пе-бе.
Когда-то чуткими ушами
Алчевский шустрый мальчуган
Услышал, что ползет цехами
Словище жесткое „борьба“.
То партия звала в подполье,
То партия скликала в бой

---

[1] Бьют слова как с газетного листика,
Не беда. Еще раз не беда.
Знаю, скажут, что здесь—публицистика.
Публицистика? Да!

Мятущихся и недовольных
Царем,
Тюрьмой,
И нищетой.
Он предан был партийной воле,
Уму подпольного Цека.
Взрастило на боях подполье,
Рабочего большевика.
Он рос, чтобы шуметь вершиной,
Уйдя корнями крепко вниз,
Ведь без таких, как Ворошилов,
Не мыслим был бы большевизм.
Рос вместе с партией огромной
Старогвардеец от станка,
Чтоб без шатаний,
Без уклонов,
Войти в политбюро Цека.
Ведь Ворошилов, двигав горы,
За весь полувековый срок,
Был верным проводом, в который
Включала партия свой ток.
Победы все и достиженья,
И каждый подвиг, что свершен,
То—партия,
Ее решенье,
И через партию лишь он.

РАБОЧИЙ ВОЖДЬ КРАСНОЙ АРМИИ И ФЛОТА.

„6 ноября 1925 г. К. Е. Ворошилов назначен Наркомвоенмором и Предреввоенсовета СССР.

(*Из газет*).

Так надо.
Так Цека решило.
Приказ подписан. Сдан в набор.
Климент Ефремыч Ворошилов
Отныне Наркомвоенмор.

Тов. Ворошилов в каюте на Линкоре „Парижская Коммуна“.

Работе Наркомвоенмора
Клим Ворошилов пыл отдал,
Засел за стол он, за которым
Недавно Фрунзе заседал.
Сковать стране броню из стали—
Крепчает творческая мысль...
И он тоскует о металле—
Луганский старый металлист.
И он работает, чтоб гордо
Горела красная звезда,
На танках,
На моторах,
„Фордах“,
На сталью крытых поездах.
Из сизых, из густых туманов,
Летят, чертя вверху круги,
Флотилии аєропланов,
Гудят пропеллерами гимн.
И вспенивая буйно воды,
Стоят в морях, на всех парах,
На страже мира и свободы,
Покачиваясь, крейсера.
Он знает, где таится сила,
Он с практикой войны знаком,
О смычке армии и тыла
Упорно думает нарком.
Он знает, что бой решает
Дух армии, потом уж штык,
И он подполье вспоминает,
Донбасский старый большевик.
Бойца в боях он крепко вызнал,
Он с политруками знаком,
Вернейшей школой большевизма
Казарму делает нарком.
Имея стаж и опыт славный,
Нарком с приветливым лицом

Он только—
Первый среди равных,
Он только—
Лучший из бойцов.

СИЛИЩА.

„Ворошилов не какой-нибудь рыцарь, а простой, суровый, до конца преданный партии и рабочему классу товарищ. Величайшая ценность его, как наркомвоенмора, в том, что каждый красноармеец, вырастая политически, приближается шаг за шагом к Ворошилову. Каждый красноармеец чувствует в Ворошилове частицу себя".

(*Из речи луганца Рубчикова на собрании старых большевиков*).

Весна с зимой войну кончает,
Ручьи весне грохочут туш,
И облака, как стая чаек,
Над озорною рыжью луж.
И ветерок, весенний вестник,
Подвырос, посвежел, окреп,
Несет над улицами песню,
Знакомую, как черный хлеб.
„Белая армия, черный барон,
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей,
Армия Красная всех сильней".
Все выше, громче, многозвонней
Слова про мощь военных сил,
Шагая в радостной колонне,
Боец безусый выводил...
Ты юным был, когда душила
Война республику в огне,
Когда в атаки Ворошилов
Летал на рыжем скакуне.
Он постарел. Он стал наркомом.
Он крепко занят, труд любя,

Чтоб ты, боец, расставшись с домом,
Смог переделать сам себя.
Он знать желает — Ворошилов,
Нарком, подпольщик боевой,
Твоя где затаилась сила,
Красноармеец молодой?
Толково отвечал безусый
На прямо заданный вопрос:
„В деревне Быдло, близ Тарусы,
Московской области, я рос.
Отца калечило трехполье,
Мозолями он был богат,
Товарищи учились в школе,
А я за речкой пас телят.
Из черной прокопченной хаты,
Под причитания старух,
В казарму шел я, как в „солдаты“.
Слепой, неграмотный пастух.
В казарме я прозрел и ожил,
Стал человеком и борцом,
Казарма стала мне дороже,
Роднее, чем отцовский дом.
Я был неграмотным, теперь я
По взводу первый грамотей,
Я живо выветрил поверья,
Забыл про леших и чертей.
Я знал политику с базара —
О ней шептал коварный враг—
Теперь — спросите комиссара—
Я в политграмоте мастак.
Я не хвалюсь, но если надо,
Понятен массам и горяч,
Сумею выступить с докладом
Не хуже, чем любой избач.
Военной занят подготовкой,
И строй и технику любя,

Я изучил свою винтовку,
Пожалуй, лучше . . . чем себя.
Отец сидит, как жук, в навозе,
Единоличничать привык,
А я вот—будущий колхозник,
Полей ударных большевик.
Я рвусь в свой край, ржаной и древний,
Где жалобно звенит овес,
Перековать свою деревню
В ударный боевой колхоз.
Я вижу сон—тарусским трактом
Меж чахлой, жухлой рыжей ржи,
Несется сталинградский трактор
Взрывать проклятые межи.
Я рапорт отдаю наркому,
Кто постарел, труды любя,
Расставшись на два года с домом,
Я переделал сам себя.
Иду весной в строю веселом,
Пою. И петь мне хорошо.
Я ворошиловскую школу—
Казарму Красную—прошел".
Он смолк, безусый тарусянин,
Другой—речист, порывен, быстр
Заговорил: „я не крестьянин,
А сталинградский металлист.
Я политграмотой занялся.
Учил, читал и не скучал.
В Казарме красной я добрался
До сочинений Ильича.
Во взводе мной теперь гордятся,
В дни чемберленовской бузы
Пошел я первым новобранцем
В партийный ленинский призыв.
Поют могучие колонны,
Горячей силе громкий гимн,

Мы не одни. Нас—миллионы.
Мы, миллионы, говорим:
Нас партия разворошила—
И ты, нарком, сковать сумел,
В тебе, товарищ Ворошилов,
Мы видели живой пример.

ВОЙНА ВОЙНЕ.

„Тов. Ворошилов является продолжателем работ т. Фрунзе. В частности, вместе с т. Уншлихтом т. Ворошилов добился расширения и укрепления Осоавиахима".

И. Семенов.

В Наркоминделе ждали „нот",
Шел о войне повсюду говор.
Шла осень. Шел тревожный год.
Шли подмосковные маневры.
Грачи на сжатой полосе
Последний митинг проводили,
Мчал Ворошилов по шоссе
С Гамарником в автомобиле.
Они спешили. Ждал их бой,
Их повстречал идущий мимо
Наплывом песни молодой
Отряд Осоавиахима.
Автомобиль наркома встал,
Нарком был узнан. Над лесами
Отряд, как клятву, прокричал,
Взволнованными голосами
Походный марш. В нем раздалось,
Как эхо по лесам осенним,
Страны, прошедшей годы гроз,
Спокойное сердцебиение.

МАРШ ОСОАВИАХИМА.

Война войне! Война войне!
Мы каждый час на грозном фронте,
Несется песня по стране:
Мы против войн, но нас не троньте.

Лишь взрывом вспыхнет горизонт,
И вражий конь вспылит дорогу,
Стирают грани тыл и фронт,
Труба в стране гремит тревогу.

В тревожный барабанный бой
Сердец включаются удары,
Шагает армией сплошной
Шестая часть земного шара.

Храним мы порох наш сухим,
Неизмерима наша сила.
Вздымай, Осоавиахим,
Знамена боевого тыла.

Постройками шумит страна,
Растит хлеба, буравит горы,
В раскатах гула вышина,—
Парят воздушные дозоры.

Врасплох застать нас не дадим,
Патрули наши в воздух взмыли.
Гуди, Осоавиахим,
Пропеллерами эскадрилий.

Война войне!—и потому
В беззвездный мрак, в пустом просторе
Прожектор рвет ночную тьму,
И крейсера качает море.

Война войне! Во вражий стан,
Чуть только замолчит винтовка,

Ударит боевой Демьян
Плакатом,
Книгой
И листовкой.

Чтоб рушить словом боевым,
Траншеи вражьи, бронь и стены,
Расти, Осоавиахим,
Демьяну молодую смену.

Чтоб отбивали такт шаги
Бойцы заводов, шахт и пашен,
Греми, Осоавиахим,
Военным, пролетарским маршем.

Поем: войны мы не хотим!
Бодрей поем:
Но в бой готовы!
Готовь, Осоавиахим,
Свинец,
Пропеллер,
Танк
И слово.

Война войне! Войне поход!
Изменим на планете климат!
Вставай, колхоз,
Вставай, завод
Под флаг Осоавиахима.

*

Сказал Гамарник сгоряча:
„Вот настроенья верный вестник,
Литвинов мог бы отвечать,
На вражью ноту этой песней“.

ПИСЬМО ИЗ КАЛУГИ.

„XVI съезд партии коллективному вождю, лучшему ученику Ленина— т. Сталину, нашему командиру, первому красноармейцу т. Ворошилову, Ленинскому центральному комитету ОДВА передает свой привет и отдает свой рапорт. К защите границ СССР под знаменем ленинской партии всегда готовы“.

(Из речи т. Царева на XVI партсъезде ВКП (б).

Нарком сидел над картой. Страны
Перед ним причудливо цвели,
Условные меридианы
Кромсали дерзко плоть земли.
В цвет розы чайной бледно крашен,
Распластанный томился край,
В засилье пагод, стен и башен,
Текстильный, рисовый Китай.
Там Чан Кай-ши, продавший шпагу,
Там Гоминдан, предавший класс,
Там зарождающий отвагу,
Вулканный гнев мильонных масс.
Там клочья колчаковских армий,
Там улагаевская шваль,
Меж генералами и нами
Легла стальная магистраль.
Там над кривым разгулом улиц,
Ветрище с океана свеж,
Там генералы посягнули
На наше право и рубеж.
У генералов в завирухе
Чтоб не кружилась голова,—
На рубеже товарищ—Блюхер,
С непобедимою ОКДВА.
Нарком спокоен.
С ним спокойна
Страна от тундр и до Памир.
Штыки, предотвращая войны,

Всемирный охраняют мир.
Текут текущие моменты...
Суров и грозен вид штыка.
Разведке хищных интервентов
Ударил Блюхер по рукам.
А если бой —
В одно мгновенье
Страна ружье свое возьмет.
Вот показатель настроенья,
Не сводка, и не донесенье —
Провинциальное письмо.

ПИСЬМО НАРКОМВОЕНМОРУ т. К. Е. ВОРОШИЛОВУ.

(Вырезка из калужской газеты „Коммуна“ № 283).

„Я пишу Вам, нарком, письмо.
За окном, как в окопе, темно,
Зорко смотрит одна звезда,
Как дозор пограничный ОДВА.
Лагерь спит. Спят громады казарм,
Их не будит пока командарм,
И спокоен над сонной Окой
Там с винтовкой стоит часовой.
Словно мысль Чан Кай-ши, ночь темна,
Может, завтра взорвется война,
И зеленую землю вновь
Обагрит человечья кровь?
Нас врасплох не застанут враги,
Порох держится нами сухим.
В боевой изготовке храним
Мы винтовку, наган и „максим“.
Трехдюймовки стоят в чехлах,
Кони травы жуют на лугах;
В аппаратной связист сторожит,
В ленпалатке „Тревога“ лежит.

В стенгазете „Боец“ на стене,
В каждой строчке готовность к войне.
Ворошилов! На первый зов,
Округ гаркнет: всегда готов!
Пусть узнает нарком и Цека
Настроенье и волю полка“.
И Ворошилов был взволнован,
Корявым, искренним письмом,
Страна — сильна.
Полки — готовы
К походам сердцем и штыком,
Когда автомобиль упругим
Гудком протяжно пролил трель —
Нарком вложил письмо Калуги
В свой совнаркомовский портфель.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Когда гремит пред мавзолеем
На Красной площади парад,—
И флаги буйные, алея,
Суровой гордостью шумят;
Когда звенят с трибуны речи
Вождей над прахом Ильича,—
Зачем ты, сердце человечье,
Перестаешь на миг стучать?
От площади исходит грохот,
И радуется человек:
Шагает новая эпоха,
Шагает юный, сильный век.
Параду мощи пролетарской,
И ритму гулкому шагов
Дивятся Минин и Пожарский
И Кремль и сорок сороков.

И зависти не скрыв, в бессильи
Рабочей покорясь весне,
Цветистый ситцевый Василий
Блаженный будто потускнел.
И в действе массовом прекрасно
Веселье бьется через край...
В актерах выступает—
Масса,
А режиссером—
Первый Май.
Над черным чучелом из стари,
С клеймом позорным „бюрократ“,—
Поднял плечистый пролетарий,
Как молот—яростный плакат:
„Дружно, ребята,
Стой и не падай:
Бей бюрократа
Ударной бригадой“.
Ленинские слова расплавлены
Золотом над ткацким строем:
„Производительность труда это главное
Для победы нового, общественного строя“.
Идут шахтеры черным строем,
За дружным рядом дружный ряд,
И солнце мая золотое
Лучом ударило в плакат:
„По черному штреку бегут вагонетки,
Как в бой за отрядом—отряд,
Вскипает могучая кровь пятилетки
Напором ударных бригад“.
Авто, пыхтя, летит
И брызжет словом:
„Войны мы не хотим,
Но в бой готовы“.
Громкокипящею оравой
Гремят колхозы городам:

„Владеть землей имеем право,
А паразиты — никогда“...
И тут же в орнаменте брюквы,
Ржаным отливом расцвели
Увитые в колосья буквы
Колхозной азбуки земли:
„Земля! Тебя не просим,
Приказ тебе гудим:
Рожай нам пять колосьев,
Где раньше рос один“.
В плакатной цветной перекличке,
Кармином и охрой богат
Колхоза калужского „Смычка“
Сверкает на солнце плакат:
„Трактора в наступление бросив,
Мы колхозным походом пошли
Против армий червивых колосьев—
Сорняковых фашистов земли“.
С радостной улыбкой на смуг-
лом лице
Бравый физкультурник шагал и пел:
„С нами Ворошилов—первый
Красный офицер,
Готовы кровь пролить за СССР“.
Пионеры в шум и гам
Пели гимны кораблям:
„По морям,
По морям,
Нынче здесь,
Завтра там“.
И словно в рупор радио,
Гимн комсомольцев рьян:
„В бой молодая гвардия,
Рабочих и крестьян“.
Вот она — стозвонная —
Песня кипит:

„Конная Буденного
Раскинулась в степи“...

Песни этой пленники
Голосистый люд —
Видно, переменники,
Сочно поют:

„Держи шинели серые,
Готовыми в поход,
Восемьдесят первая
Дивизия вперед“.

Кто-то с красным бантом,
Вида матросского —
Отдает команду
Стихами Маяковского:

„Довольно жить законом,
Данным Адамом и Евой,
Клячу истории загоним —
Левой,
Левой,
Левой!“

Полощет ветер неустанно
Полотна рдяных вымпелов,
Вверху — звезда аэропланов,
Внизу — колонны тракторов.

Машинами встречаем май мы,
К металлу рвущейся страны —
Советской выделки комбайнов
Ползут стальные табуны.

Сюда, на торжество парада,
С цехов прислали на-показ
Свои ударные бригады
Сибирь,
Кавказ,
Урал,
Донбасс.

На фоне обомшелых башен
Проходят стройные ряды —
Энтузиастов шахт и пашен,
Героев хлеба и руды.
Знамена ветерок полощет,
Шелками шумными шурша,
Седую сотрясая площадь,
Гудит социализма шаг.
Гуди,
Шагай,
И пой, эпоха.
И празднуй Май, пролетариат.
Штыки отточены не плохо,
Они спокойствие хранят.
Читай, эпоха — боевые
На флаге буквищи растут:
„Милорды, наши часовые
Стоят спокойно на посту".
Стоят, припоминая войны,
Старейшины-большевики,
А мимо мавзолея стройно
Идут,
Идут,
Идут полки,
Гудит парад тысячешагий.
Полки проходят без конца,
И бьются ритмами присяги
Красноармейские сердца.
Тогда на площадь, полный силы,
Въезжает под громовый крик,
Климент Ефремыч Ворошилов,
Боец,
Нарком
И большевик.
В нем бранный опыт, взятый с бою,
Под шум свинцового дождя,

И серебрятся сединою
Виски рабочего вождя.
Он гордо смотрит. Мерно, плавно
Идут полки. Шаг — образцов.
Он только —
Первый среди равных,
ОН ТОЛЬКО —
ЛУЧШИЙ ИЗ БОЙЦОВ.
Послушай!
В маршах демонстраций,
Ты можешь ясно разобрать:
ПО-ВОРОШИЛОВСКИ СРАЖАТЬСЯ,
КАК ВОРОШИЛОВ ПОБЕЖДАТЬ!